

УДК: 81'42

Германова Н.Н.

Автор – текст – читатель: Герменевтика в Великобритании в эпоху Просвещения и Романтизма¹¹

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, nata-germanova@yandex.ru*

Аннотация. В статье показана эволюция взглядов британских филологов на проблемы интерпретации текста. Если в эпоху Просвещения в центре внимания был критерий ясности, что предполагало существование единственно правильной интерпретации авторского замысла, то в эпоху Романтизма на первый план выдвигаются вопросы неоднозначного восприятия текста реципиентом. Это положение раскрывается на материале концепции креативного чтения С.Т. Кольриджа.

Ключевые слова: герменевтика; философия языка; эпоха Просвещения; эпоха Романтизма; Ф. Шлейермахер; С.Т. Кольридж.

Guermanova N.N.

Author – text – reader: Hermeneutics in Great Britain in the Enlightenment and Romanticism

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, nata-germanova@yandex.ru*

Abstract. The article traces the evolution of the views of British philologists on the interpretation of the text. While the epoch of the Enlightenment focused on the concept of perspicuity, which presupposed the existence of one possible interpretation of the author's intention, Romanticism put forward the problem of the recipient's complex perception of the text. To prove this claim, the author analyses the concept of creative reading by S.T. Coleridge.

Keywords: hermeneutics; philosophy of language; the Enlightenment; Romanticism; F. Schleiermacher; S.T. Coleridge.

Положение о многозначности текста и множественности его интерпретаций давно стало аксиомой для современного филолога. Оно имеет различные теоретические и методологические основания: это и постмодернистская литературно-критическая практика деконструктивизма, и представление о диффузности значения (*fuzziness of meaning*) и его зависимости от контекста, сложившееся в современных семантических теориях когнитивной лингвистики и лингвопрагматики; и

¹¹ © Н.Н. Германова, 2018

экспериментально доказанное положение об индивидуальном личностном смысле высказывания в психолингвистической теории речевой деятельности. В своем радикальном виде это положение нашло отражение в полемическом утверждении Р. Барта о «смерти автора», призванном освободить текст от тирании авторской интенции и предоставить читателю неограниченное поле для интерпретации литературных произведений.

Однако подобные взгляды характерны далеко не для всех исторических эпох. В то время как они имеют определенное типологическое сходство с идеями Романтизма (подчеркнем, что речь идет именно о типологическом сходстве, но не о влиянии или преемственности взглядов), они прямо противоположны уходящим еще в античность герменевтическим представлениям эпохи Просвещения, основанным на практике и теории риторики. Сопоставление герменевтических концепций эпохи Просвещения и Романтизма, преимущественно на материале англоязычной традиции, и является предметом рассмотрения в данной статье.

В эпоху Просвещения представления об отношениях в триаде «автор — текст — читатель» определялись характерным для того времени требованием ясности (*perspicuity*), которое доминировало в риторике и эстетике того времени. Принцип ясности подразумевал, по крайней мере, в идеале, однозначную интерпретацию текста читателем с целью раскрытия авторского замысла. Такой подход можно назвать «риторическим»: он неизбежен для риторики, которая, в конечном счете, преследует практические цели управления поведением аудитории, которой адресована речь оратора. Не случайно в европейской традиции требование ясности уходит корнями в античную риторику Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, единодушно признававших ясность необходимым качеством хорошего слога.

О необходимости ясности писали многие выдающиеся британские филологи эпохи Просвещения. Так, как писал лорд Кеймс (Г. Хоум) в «Основаниях критики» (1762), «поскольку передача мысли есть основное назначение языка, правило состоит в том, что ясность не должна быть принесена в жертву никаким другим красотам языка, ибо если и можно усомниться в том, что ясность является положительным достоинством, то не вызывает сомнения, что отсутствие ясности является величайшим недостатком» [Kames, 1841, p. 255]. Положение о ясности как приоритетном качестве текста было краеугольным камнем британской риторики XVIII века. «Какой бы ни была конечная цель оратора – информировать, убедить, доставить удовольствие, растрогать, уговорить что-то сделать – в любом случае он должен быть понятым, иначе его речь не достигнет цели. Любое предложение должно быть ясным. Без этого эффект от всех остальных стилистических свойств будет утрачен», – писал автор влиятельной риторики второй половины XVIII века (1776) Дж. Кэмбелл [Campbell, 1858, p. 239].

Такого же мнения придерживались и литераторы. Как писал Дж. Аддисон, одна из главных красот литературного слога «состоит в использовании такого простого языка, который может быть понятен обычным читателям» [цит. по: Adamson, 1999, p. 614]. Литературный стиль неоклассицизма иногда называют «средним» или «умеренным». Эта стилистическая усредненность понималась не как недостаток, но как достоинство литературного слога: сочинения были предназначены не только для тонких ценителей, но и для рядовых читателей.

При этом ясность текста понималась как объективное свойство, заложенное в самом тексте. Субъективные аспекты (интеллектуальные возможности аудитории, ее подготовленность к восприятию авторских идей, психологическое состояние, заинтересованность в обсуждаемой тематике или, напротив, равнодушие к ней) во внимание не принимались.

Мысль об относительном характере ясности (ясно кому? ясно до какой степени?) была для XVIII века не актуальной.

Залогом ясности текста был предполагаемый изоморфизм языковых и мыслительных категорий. Ясным признавался текст, автор которого сумел облечь свою мысль в вербальную форму, адекватную тем идеям, которые он намеревался выразить. В области лексики ясность, по мнению авторов эпохи Просвещения, достигалась за счет чистоты (*purity*), уместности (*propriety*) и точности (*precision*) выбранных лексических единиц. Эти положения были четко сформулированы в риторике Х. Блэра (1783) [Blair, 1858, p. 79]. Аналогичные требования предъявлялись морфологическим и синтаксическим конструкциям, которые должны были максимально точно отражать характер концептуализации описываемой ситуации. Тот факт, что разные говорящие нередко вкладывают в один и тот же оборот разное содержание, считался дефектом, устранимым за счет выработки точных дефиниций слов и такого употребления грамматических конструкций, которое исключало бы возможность двоякого толкования авторского смысла. Поскольку естественный язык признавался не вполне совершенной семиотической системой, в эпоху Просвещения большие надежды возлагались на нормирование языка, то есть упорядочивание грамматики и уточнение лексических значений за счет развития лексикографии.

Если взглянуть на проблему с позиций антиномии «говорящий / слушающий» — которую применительно к теме статьи следует переименовать в антиномию «автор / читатель» — то следует признать, что ответственность за коммуникацию возлагалась на автора текста, который должен был максимально облегчить интеллектуальную работу читателя и создать текст, который бы недвусмысленно выражал авторскую интенцию и однозначно интерпретировался читателем.

Авторы риторик признавали, что создание текста, идеально выражающего интенцию автора, не всегда достижимо. Как писал Х. Блэр, «слова, употребляемые человеком для выражения своих мыслей, могут быть несовершенными в трех отношениях: они могут выражать не ту идею, которую хочет выразить автор, но другую, только похожую на нее или близкую к ней; они могут выражать нужную идею, но не вполне полным и исчерпывающим образом, и, наконец, они могут добавлять к идее автора нечто, не входящее в его замысел» [Blair, 1858, p. 80]. Эти дефекты должны быть, в идеале, устранены, поскольку они могут затруднить понимание читателем мысли автора.

Положению о существовании единственно верной интерпретации текста, на первый взгляд, противоречит появление в XVIII веке в Великобритании (как и в Европе в целом), литературной критики, которая подразумевает оценку литературного произведения и обмен мнениями о его достоинствах [Patey, 2005]. Действительно, в XVII – XVIII веках произведения многих выдающихся литераторов, в том числе Шекспира, получали неоднозначную оценку. Не случайно вопрос о нормах и стандартах вкуса составлял существенную часть интеллектуального дискурса того времени. Свой вклад в эстетический дискурс внесли Д. Юм, лорд Кеймс, Ф. Хатчесон, Э. Берк, А. Джерард, Т. Рид, Дж. Аддисон.

В течение XVIII века требования, предъявляемые к критику, претерпели существенную трансформацию. В первой половине века наблюдается движение «под влиянием новой сенсуалистической теории вкуса (разрабатываемой, в первую очередь, Джозефом Аддисоном и аббатом Дю Бо) к эмпирическому исследованию с более широкими основаниями, которое определяло критика в терминах вкуса – ощущения, потенциально присущего всем» [Patey, 2005, p. 11]. Во второй половине XVIII века, в эпоху О. Голдсмита и С. Джонсона, критик должен был быть «ученым (scholar) или членом квази-аристократии тонкого вкуса» [там же].

Важно, однако, то, что в любом случае спор между критиками и читающей публикой шел именно о том, чья трактовка литературного произведения является правильной и кто заслуживал звания критика. Иронические выпады в адрес «недостойных критиков» регулярно появляются на страницах британских литературных журналов в течение всего XVIII века [Patey, 2005, p. 6]. Хотя вкус, как полагали интеллектуалы того времени, был в определенной степени присущ всем, он воспитывался на определенных правилах за счет подражания «правильным образцам». Как утверждал Х. Блэр, «мы получаем удовольствие благодаря естественному чувству прекрасного. Разум показывает нам, почему, и на каком основании мы испытываем удовольствие» [Blair, 1858, p. 13].

Расхождение во взглядах, как пояснял Х. Блэр, автор влиятельнейшей «литературной риторики» XVIII века, было допустимо лишь в определенных границах: читатель мог предпочесть, к примеру, Гомера Вергилию (или наоборот), но полностью отрицать достоинства того или другого было бы нарушением здравого смысла и хорошего вкуса [Blair, 1858, p. 23]. Для авторов XVIII века доказательством достоинств литературного произведения был «общий вердикт» читательской аудитории: именно к такому выводу приходит Д. Юм в работе «О норме вкуса» (1739-1740) [Hume, 1757, p. 229]. Как справедливо указывает Дж. Питток, в XVIII веке «интерес к операциям вкуса выражался скорее коллективным, а не индивидуализированным голосом. Излюбленной темой (особенно среди интеллектуалов Эдинбурга) был «стандарт вкуса», и излюбленным занятием было исследование важности консенсуса в критике, как и в обществе в целом» [Pittok, 2005, p. 547].

Ситуация принципиально меняется по мере распространения идей Романтизма, когда трансформации подвергается основополагающий принцип философии языка и лингвосемиотики: язык из «одежды мысли» превращается в «инкарнацию мысли» (о метафоре «язык как инкарнация

мысли» см. подробнее [Германова, 2017]). Романтики пересмотрели взгляды на саму природу языка: из послушной и пассивной «одежды мысли» язык превратился в результат творческой деятельности говорящего. В литературе принципы неоклассицизма уступают место новой эстетике, в которой акцент на правилах сменился признанием индивидуальности и творческого духа, который проявляет себя во всех манифестациях человеческого духа.

Акцент на творческой природе ментальной деятельности и отказ от неоклассической эстетики приводит к тому, что единицы языка перестают пониматься как знаки, имеющие фиксированное значение для всех говорящих. Характерно, что в этот период язык перестают сравнивать преимущественно с живописью (как это делали в эпоху Просвещения), и на первый план выходит его сравнение с музыкой [Barry, 1987; Ромашко, 1984]: как в музыке, значение текста «разлито» по всему произведению; как в музыке, где трактовка музыкальной пьесы варьирует от исполнителя к исполнителю, прочтение текста зависит от его интерпретации читателем.

Новая интерпретация взаимоотношений внутри триады «автор – текст – читатель» отчетливо выражена в теории интерпретации текста и перевода Ф. Шлейермахера – немецкого философа, теолога и проповедника (1768-1834). Шлейермахер исходил из того, что мысль тесно связана с языком и зависит от него; значение определяется употреблением слова; понимание текста возможно только в контексте всего произведения (последнее положение получило название «семантического холизма»). Эти идеи были положены в основу его лекций о герменевтике 1805-1833гг. Шлейермахер настаивал на том, что герменевтика должна быть универсальной дисциплиной, применимой к интерпретации любого текста, от Библии до художественной литературы. Правильное понимание текста требует его рассмотрения в историческом контексте и включает лингвистическую и психологическую сторону, а также учет того, что в

современной лингвистике называют «иллокутивной силой» высказывания. Неоднозначность интерпретации текста вытекает из существования глубоких когнитивно-интеллектуальных различий между индивидами (интерпретаторами текста), а также автором текста. Отсюда вытекает парадоксальное утверждение Шлейермахера о том, что читатель должен понимать текст лучше его автора [Foster – эл. ресурс]. Идеи Шлейермахера хорошо вписывались в общий интеллектуальный контекст эпохи, перекликаясь с мыслями И. Гердера, И. Фихте, И. Канта и Ф. Шлегеля.

Однако анализ герменевтических идей Романтизма в широком общеевропейском контексте выходит за рамки настоящей статьи, посвященной британской лингвофилософской традиции. В Великобритании проводником идей немецкого Романтизма стал, прежде всего, С. Кольридж. Пребывание в Германии (1798), где он познакомился с работами немецких философов, оказало на Кольриджа глубокое влияние.

В духе идей Романтизма Кольридж понимал языковые знаки как динамические образования с подвижной семантикой, которые обозначают движение мысли и воображения (ср. его известное определение слов как «живых сил» [Coleridge, 1831, p. XV]). Как и немецкие романтики, Кольридж подчеркивал подвижность контекстуального значения слова: «я включаю в понятие значения не только объект изображения, но в одинаковой степени и порожденные им ассоциации. Потому что язык организован так, что передает не только понятие о самом предмете, но может передавать понятия о характере предмета, настроении или намерении того, кто изображает этот предмет» [Кольридж, 1987, с. 177].

Эта динамичность значения слова, его связь с интеллектуальной деятельностью говорящего и его эмоциональным состоянием предъявляли читателю – интерпретатору текста – особые требования. Кольридж разрабатывал концепцию «творческого чтения», подразумевавшую активный диалог читателя с автором произведения. Этот диалог опирался

на внутренний опыт читателя, и в той мере, в какой внутренний опыт каждого человека является неповторимым, индивидуальной, в понимании Кольриджа, является и интерпретация литературного произведения. По его словам, он хотел «не столько продемонстрировать читателю тот или иной факт, сколько зажечь для него его собственный факел и предоставить ему самому выбрать те конкретные объекты, которые захотел бы рассмотреть в его свете» [Coleridge, 1818, p. 17].

В одной из своих лекций 1811 года Кольридж предложил любопытную классификацию читателей: читатели-губки, читатели-песочные часы, читатели-фильтры и читатели-ситы. Последние, идеальные читатели (их Кольридж также называл читателями-алмазами), удерживают все ценное и отбрасывают второстепенное. Остальные категории читателей Кольридж описывал в негативном свете: читатели-песочные часы «быстро освобождаются от своего содержимого» и не усваивают прочитанного, читатели-фильтры «не удерживают ничего чистого и ценного и сохраняют одни отбросы». В контексте настоящей статьи наибольший интерес представляет негативное отношение Кольриджа к читателям-губкам, которые «поглощают все, что читают, и потом, если на них нажать, возвращают прочитанное почти в том же самом состоянии, лишь в слегка запачканном виде» [цит. по: Corrigan, 2008, p. 10-11]. Казалось бы, перед нами образ внимательного читателя, запоминающего большую часть прочитанного и способного позднее пересказать близко к тексту содержание текста. Что же не устраивает в таком читателе Кольриджа? Очевидно, это отсутствие индивидуального подхода, готовности вступить с автором в мысленный диалог — одним словом, отсутствие читательского со-творчества.

Чтение, по Кольриджу, требует от читателя напряженного внимания. Он призывал читателей «погрузиться в себя и сделать собственный разум объектом постоянного внимания» [Coleridge, 1818, p. 27]. Более того, «мы

должны быть готовы приложить такое же усилие (которое потребовалось автору – *Н.Г.*), и думать вместе с автором, или автор думал для нас впустую» [Coleridge, 1818, p. 35]. Постигая идеи автора текста, читатель участвует в нескончаемом процессе познания и творчества.

В свою очередь, писатель не должен облегчать читателю его умственную работу: ясности, которая была идеалом писателей-неоклассицистов эпохи Просвещения, романтики предпочли поэтику загадочного, туманного и мистического. Знак, который по мысли авторов эпохи Просвещения должен был, по крайней мере, в идеале соединять традиционную форму с фиксированным содержанием для того, чтобы быть понятным любому реципиенту, превратился для философов-романтиков в не до конца познаваемый символ, понимание которого опирается не только на работу разума, но и на интуицию.

Таким образом, проблема интерпретации текста получала у интеллектуалов эпохи Просвещения и Романтизма разное (если не сказать – диаметрально противоположное) толкование. Речь, конечно, идет лишь об общих культурных моделях, неизбежно упрощающих сложный историко-культурный процесс: вопрос о поворотах мысли отдельных авторов, филиации идей, взаимных влияниях и отталкиваниях в рамках одной исторической эпохи должен быть предметом отдельного разбора и в рамках настоящей статьи не затрагивался.

Список литературы

1. Германова Н.Н. Язык в зеркале когнитивных метафор: спор Просвещения с Романтизмом // Языковое бытие человека и этноса: Сб. статей по материалам XIII Международных Березинских чтений (Москва 15 мая 2017г.). 2017. Выпуск 19. С.90-99.
2. Кольридж С.Т. *Bibliodraphia Literaria*, или очерки моей литературной судьбы и размышления о литературе // Кольридж С.Т. Избранные

- труды / Пер. В.М. Герман, В.В. Роговой. М.: Искусство, 1987. С. 38-185.
3. Ромашко С.А. Лингвистическая концепция романтизма (к истории европейского языкознания конца XVIII – начала XIX вв.): Автореф. ... канд. филол. наук. М.: 1984. 25 с.
 4. Adamson S. Literary language // The Cambridge history of the English language. Cambridge: Cambridge University press, 1999. Vol. 3. 1476-1776. P. 589-692.
 5. Barry K. Language, music and the sign. Cambridge: Cambridge university press, 1987. 244 p.
 6. Blair H. Lectures on rhetoric and Belles-lettres: in 3 vols. Philadelphia: Hayes & Zell, 1858. Vol. I. 637 p.
 7. Kames lord (Henry Home). Elements of criticism: with analyses and translations of ancient and foreign illustrations. New York: Mason Brothers, 1841. 504 p.
 8. Campbell G. The philosophy of rhetoric. A new edition, with the author's last additions and corrections. New York: Harper and Brothers, 1858. 435 p.
 9. Coleridge S.T. The friend: a series of essays, in three volumes, to aid in the formation of fixed principles in politics, morals, and religion, with literary amusements interspersed. London: Rest Fenner, 1818. 1067 p.
 10. Coleridge S.T. Aids to reflection in the formation of a manly character on the several grounds of prudence, morality, and religion. 2nd ed. London: Hurst, Chance and Co, 1831. 408 p.
 11. Corrigan T. Coleridge, language and criticism. Athens: University of Georgia Press, 2008. 232 p.
 12. Forster M. Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher // Stanford encyclopedia of philosophy. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/schleiermacher/#HermleTheoInte> (дата обращения: 20.04.2018г.)

13. Hume D. Of the standard of taste // Hume D. Four dissertations: I. The natural history of religion. II. Of the passions. III. Of tragedy. IV. Of the standard of taste. London: A. Millar, 1757. P. 203-240.
14. Kames lord (Henry Home). Elements of criticism: With analyses and translations of ancient and foreign illustrations. New York: Mason Brothers, 1841. 504 p.
15. Patey D.L. The institution of criticism in the eighteenth century // Literary criticism. Cambridge: Cambridge University press. 2005. Vol IV. The Eighteenth century. P. 3-13.
16. Pittok J.H. The Scottish Enlightenment // Literary criticism. Cambridge: Cambridge University press. 2005. Vol IV. The Eighteenth century. P. 546-560.

References

1. Germanova N.N. Yazyk v zerkale kognitivnyh metafor: spor Prosveshcheniya s Romantizmom // Yazykovoe bytie cheloveka i ehtnosa: Sb. statej po materialam XIII Mezhdunarodnyh Berezinskih chtenij (Moscow 15 maya 2017g.). 2017. Vol. 19. P. 90-99.
2. Kol'ridzh S.T. Bibliodraphia Literaria, ili ocherki moej literaturnoj sud'by i razmyshleniya o literature // Kol'ridzh S.T. Izbrannye trudy / Translated by V.M. German, V.V. Rogovoj. Moscow: Iskusstvo, 1987. P. 38-185.
3. Romashko S.A. Lingvisticheskaya koncepciya romantizma (k istorii evropejskogo yazykoznaniya konca XVIII – nachala XIX vv.): Review of PhD thesis in Philology. Moscow: 1984. 25 p.
4. Adamson S. Literary language // The Cambridge history of the English language. Cambridge: Cambridge University press, 1999. Vol. 3. 1476-1776. P. 589-692.
5. Barry K. Language, music and the sign. Cambridge: Cambridge university press, 1987. 244 p.

6. Blair H. Lectures on rhetoric and Belles-lettres: in 3 vols. Philadelphia: Hayes & Zell, 1858. Vol. I. 637 p.
7. Kames lord (Henry Home). Elements of criticism: with analyses and translations of ancient and foreign illustrations. New York: Mason Brothers, 1841. 504 p.
8. Campbell G. The philosophy of rhetoric. A new edition, with the author's last additions and corrections. New York: Harper and Brothers, 1858. 435 p.
9. Coleridge S.T. The friend: a series of essays, in three volumes, to aid in the formation of fixed principles in politics, morals, and religion, with literary amusements interspersed. London: Rest Fenner, 1818. 1067 p.
10. Coleridge S.T. Aids to reflection in the formation of a manly character on the several grounds of prudence, morality, and religion. 2nd ed. London: Hurst, Chance and Co, 1831. 408 p.
11. Corrigan T. Coleridge, language and criticism. Athens: University of Georgia Press, 2008. 232 p.
12. Forster M. Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher // Stanford encyclopedia of philosophy.
<https://plato.stanford.edu/entries/schleiermacher/#HermleTheoInte>
13. Hume D. Of the standard of taste // Hume D. Four dissertations: I. The natural history of religion. II. Of the passions. III. Of tragedy. IV. Of the standard of taste. London: A. Millar, 1757. P. 203-240.
14. Kames lord (Henry Home). Elements of criticism: With analyses and translations of ancient and foreign illustrations. New York: Mason Brothers, 1841. 504 p.
15. Patey D.L. The institution of criticism in the eighteenth century // Literary criticism. Cambridge: Cambridge University press. 2005. Vol IV. The Eighteenth century. P. 3-13.

16. Pittok J.H. The Scottish Enlightenment // Literary criticism. Cambridge: Cambridge University press. 2005. Vol IV. The Eighteenth century. P. 546-560.